

Е. П. Цумарева
ГУ ВПО «Белорусско-Российский университет», Могилев

A. Tsumarava
State Institution of Higher Professional Education «Belarusian-Russian
University», Mogilyov

УДК 94(476)«1905/14»:070(043.3)

ВЛАСТЬ И ПРЕССА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В 1905–1914 ГГ. (НА ПРИМЕРЕ БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЙ)

AUTHORITIES AND THE PRESS IN THE RUSSIAN EMPIRE IN 1905–1914 (ON THE EXAMPLE BELARUSIAN PROVINCES)

В статье исследуются изменения позиции органов власти в отношении средств массовой информации в начале XX в. в условиях революции 1905–1907 гг. и начала Первой мировой войны. Выделены методы прямого, административно-полицейского воздействия, а также законодательного, судебного регулирования сферы печати. Рассмотрены отдельные аспекты позиции местной администрации, Главного управления по делам печати, министра внутренних дел, депутатов Государственной думы к органам печати. Представлена общая характеристика функционирования Петербургского телеграфного агентства.

Ключевые слова: власть; пресса; цензура; губернатор; Петербургское телеграфное агентство; Беларусь.

The article researches changes in the position of authority in relation to the media at the beginning of the XX century. in the conditions of the revolution of 1905–1907. and the First World War. Selected methods of direct, administrative-police influences; and legislative, judicial regulation of the press. We consider some aspects of the position of the local administration, the General Administration of Press Affairs, Minister of Internal Affairs, State Duma deputies to the organs of the press. We presented a general characteristic of the functioning of the St. Petersburg Telegraph Agency.

Key words: government; press; censorship; governor; Petersburg Telegraph Agency; Belarus.

Построение гражданского общества невозможно без понимания истории становления таких категорий, как свобода слова, границы взаимовлияния власти и прессы, ответственность средств массовой информации (СМИ), доступ к информации. Востребованность исследования обусловлена уникальностью опыта взаимоотношений государства, прессы и общества в решении политических и социальных вопросов в начале XX в. Актуальность тематики также определяется низкой степенью изученности проблемы в отечественной историографии, что особо заметно на фоне активного исследования взаимоотношений власти и прессы в других регионах бывшей Российской империи (Кавказа, Финляндии, Поволжья, Сибири) [1, с. 12].

Механизм взаимодействия власти и прессы в начале XX в. представлял собой сложную, взаимозависимую, изменяющуюся во времени, обусловлен-

ную социально-политической средой систему отношений органов государственного управления, администрации, политических элит и СМИ.

Революционные события 1905–1907 гг., требования свободы слова и печати, деятельность Государственных дум, начало Первой мировой войны значительно изменили политику властей в отношении органов печати. В изучаемый период власть стремилась управлять общественным мнением, а политические элиты и, в некоторой степени, само общество, используя прессу, во многом влияли на политику. В начале XX в. печать являлась основным средством массовой информации.

Цель статьи – раскрыть позицию власти в отношении органов печати, выявить методы воздействия на СМИ и особенности взаимоотношений власти и прессы в белорусских губерниях.

Изучение проблемы взаимоотношений власти и прессы начала XX в. было актуально в советской историографии. Для исследований 1920–1950-х гг. характерны оценки цензурной политики, либеральных и монархических газет как исторического источника с позиций, заложенных В. И. Лениным. В 1970–1980 гг. произошла переоценка методологии в отношении прессы. Широкое исследование получили такие направления, как политика протекционизма и спонсирования проправительственных газет, зависимость некоторых СМИ от капитала, влияние печати на позицию партий, давление официальной печати на выбор консервативного пути властью [2–4].

Ф. А. Гайда в своем исследовании представил анализ законодательства и перечней запрещенных для прессы тем, а также провел анализ агентурных данных, получаемых в Министерстве внутренних дел (МВД) через завербованных журналистов [5, с. 86].

Внимание современных исследователей привлекает проблематика цензурной политики и практика организации МВД досмотра СМИ. Роль и функции цензуры, изменения в информационной политике, вопросы политизации журналистики исследовал Г. В. Жирков. Автор пришел к выводу, что до 1905 г. власть «запаздывала» с отменой мер, стеснявших печать. Положение СМИ в 1905–1914 гг. историк расценил как расцвет русской журналистики [6, с. 172–181].

Политика царского правительства в области печати и цензуры, участие прессы в борьбе за власть во время выборов в Государственные думы нашли отражение в диссертационных исследованиях Н. М. Забавского, Д. С. Лавриновича [7; 8]. В диссертационном исследовании Н. Г. Патрушева доказано, что в изучаемый период, несмотря на либерализацию законодательства в области печати, цензурная система была сверхцентрализованной. Большое внимание уделено персональному составу чиновников цензурного ведомства [9]. Анализу динамики цензурной политики на территории Беларуси в XIX в. посвящено диссертационное исследование А. А. Загорнова, затрагивающее деятельность Виленского цензурного комитета в 1804–1865 гг. [10].

Деятельность Виленского временного комитета по делам печати как органа профессиональной цензуры в белорусско-литовских губерниях в 1907–1914 гг. исследована в диссертации Е. П. Цумаревой [1].

Анализ историографических источников показывает, что хотя институт цензуры и функциональные обязанности органов власти по наблюдению за СМИ разносторонне изучены, однако следует уделить большее внимание изучению методов деятельности власти в отношении печати, реализации политики в отношении СМИ на территории белорусских губерний.

В начале XX в. положение печати регулировали Устав о цензуре и печати, Уложение о наказаниях, Уголовное уложение 1903 г. Права столичной и местной печати были непропорциональными. Журналист Я. В. Абрамов отмечал, что столичные издания, а также местные СМИ, поддерживавшие мнение правительства, к примеру в белорусско-литовских губерниях «Виленский вестник», выходили без предварительной цензуры, в отличие от других местных газет [6, с. 172–181].

На наш взгляд, в России к 1904 г. созрели предпосылки эволюционного изменения взаимоотношений власти и прессы. Эти мысли звучали во время празднования двухсотлетия печати. Публицист Н. А. Энгельгардт отмечал, что правительство для проведения «неизбежных» реформ «нуждалось в свете бесцензурной мысли» [11, с. 19]. Министр внутренних дел П. Д. Святополк-Мирский в 1904 г. объявил «эпоху доверия», которая характеризовалась расширением прав печати. Для пересмотра цензурного законодательства была создана комиссия под руководством Д. Ф. Кобеко.

Однако механизм отношений власти и прессы был изменен революционным путем. Во время Первой российской революции методы прямого воздействия на прессу, предварительная цензура были заменены на политику регулирования сферы печати рамками закона, что выразилось в правовых актах: Манифесте 17 октября 1905 г., Указе «О временных правилах о повременных изданиях» 24 ноября 1905 г., в проекте изменений уголовного законодательства. Процесс открытия нового повременного издания был значительно упрощен и ограничивался подачей заявления редактором. Распоряжение об аресте повременного издания подтверждалось или отменялось судом [12]. Однако уже с 1906 г. политика становится более консервативной, о чем свидетельствуют дополнения временных правил от 18 марта 1906 г., «Временные правила о непериодической печати» от 26 апреля 1906 г. Введение военной цензуры 20 июля 1914 г. значительно урезало права печати в связи с объявлением территории Беларуси на военном положении.

Анализ взаимодействия власти и СМИ выявил градацию государственных институтов, по-разному относившихся к печати в восприимчивости к критике и предлагаемым вариантам решений политических проблем.

Активное обсуждение в печати получило функционирование высших законодательных органов: Государственной думы, Государственного совета и

правительства. Анализу их деятельности в газетах были посвящены специальные разделы: «Думские известия», «Думский день», «В думе», «В Государственном совете», «У Думе і каля Думы», «Выборы в провинции», «Выборы членов Думы». Проблемой для государственного аппарата являлось отсутствие в СМИ единого подхода к освещению законодательной практики, в результате чего возникали «недоразумения» с признаками уголовного деяния. В связи с этим с 1907 г. стенографические отчеты о деятельности Думы разрешалось «безвозбранно» перепечатывать только полностью, без количественных или качественных изменений [13, л. 119].

Наибольшее влияние на деятельность печати, в сравнении с центральными законодательными органами, оказывала местная администрация. Либеральные СМИ отмечали, если столичная администрация в борьбе с печатью «не всегда» оставалась в пределах «ею же изданных» законов, то в провинции не только губернатор, но и «любой полицейский» мог совершить в отношении прессы «произвол» [14]. В «борьбе с печатью» местная власть в губерниях могла применять продление «исключительного положения», закрывать типографии и применять к виновным арест с административной высылкой [14; 15, л. 60]. Местные власти зачастую препятствовали широкому ознакомлению населения с либерализацией законодательства, ярким примером этому является уголовное дело против издателя М. И. Медема и типографа Б. Фейгинова, отпечатавших и распространивших в Полоцке информацию об отмене предварительной цензуры [16, л. 23–25 об.].

Таким образом, проблема публичности власти являлась болезненной. Пресса испытывала значительные трудности в возможности объективного освещения жизни на периферии.

Практическое проведение политики в сфере печати с 1865 г. возглавляло Главное управление по делам печати (ГУпДП) при МВД. В губернских городах, где не имелось специальных органов по делам печати, наблюдение за СМИ являлось «одной из главнейших» обязанностей губернатора [17, л. 155]. Губернатор, являвшийся цензором, имел в своем распоряжении широкий административный ресурс для воздействия на прессу. Он организовывал и контролировал систему изъятия печатной продукции, высылал уездным исправникам, полицмейстерам, земским начальникам предписания к «прекращению распространения» негодной периодики, «немедленно арестовать означенные №№ поименных изданий» [18]. Начальники почтово-телеграфных агентств отчитывались о задержании печатных изданий, основанием для чего служили циркуляры начальника почтово-телеграфного округа [19, л. 34]. Вице-губернатор назначал лиц для наблюдения за изданиями, печатавшими противоправные статьи, о чем сообщал в ГУпДП. Губернатору высылались рапорты полицмейстеров, отчеты местной власти, полного управления о получении печатной литературы [20].

Определяющую роль в информационной политике играл министр внутренних дел. Несмотря на то, что в 1905 г. его права прямого воздействия на

сферу печати были урезаны, он продолжал издавать циркуляры генерал-губернаторам, губернаторам и комитетам по делам печати. Многие циркуляры значились под грифом «совершенно секретно» и содержали предписания, фактически противоречившие общероссийскому законодательству. Директивные методы требовали «своевременно» возбуждать преследования и наложения арестов на СМИ в случае опубликования статей или рисунков «преступного содержания», призывов к революции, «дерзостного неуважения» к верховной власти [15, л. 60].

Особое внимание властей уделялось печати революционно-демократического направления. В 1910–1911 гг. департамент полиции отмечал повышение идейных запросов рабочей массы, «широкое развитие» легальной партийной прессы, использование СМИ для подготовки масс «к будущей активной деятельности» [21, л. 1]. В связи с этим министр внутренних дел постановил: пропаганда социал-демократических идей посредством легальной печати должна быть «временно прекращена и в будущем недопустима» [22, л. 2]. Далее губернаторы указывали ответственным органам иметь «неослабное наблюдение» за газетами и журналами левого направления [18, л. 1].

Кроме прямого и опосредованного контроля над СМИ, который усилился после 1907 г., власть пыталась конкурировать с частными газетами, критиковавшими ее. Эта политика реализовалась в создании правительственных газет, негласном спонсировании лояльных частных газет, функционировании «рептильного фонда» СМИ, получавших государственную финансовую поддержку. Об использовании административного ресурса в распространении официальных изданий свидетельствует пример: обязательная подписка минских «Губернских ведомостей» приносила дохода в 11 раз больше, чем необязательная и в 46 раз превышала розничную продажу [23, л. 4]. Газета «Весь Северо-Западный край» в 1908 г. отмечала, что в пачки распространяемых ГУПДП газет зачастую добавляли прокламации и старые газеты правомонархической организации Союз русского народа (СРН) [24].

О возврате к полицейским методам влияния на печать свидетельствует уголовное преследование в 1908 г. редакторов-депутатов I Государственной думы. Среди них были И. Е. Соломко (редактор-издатель газеты «Мысль»), А. Е. Тесля (редактор газеты «Крестьянский депутат») [25]. Корреспондент газеты «Северо-Западный голос» М. Шевич отмечал, что правительство, признавая «принципы манифеста» 17 октября 1905 г., стремилось сохранить, по возможности, «всю власть в своих руках» [26].

Отдельным направлением государственной политики в информационной сфере явилось учреждение 1 сентября 1904 г. «Санкт-Петербургского Телеграфного агентства» (ПТА). По статусу агентство соответствовало ведущим зарубежным информационным центрам. В нем виделось не только удовлетворение потребности общества в оперативной информации, но и

средство борьбы с распространением «тенденциозных толков». И так, для «борьбы со злоупотреблением гласности» власти стремились «умело» пользоваться «той же гласностью» [16, л. 4]. В связи с этим центральные учреждения МВД должны были сообщать «исключительно» данному агентству информацию, «желательную» для опубликования. Секретные бюллетени, предназначенные высшим правительственным чинам, издавались правлением ПТА под «литерой А» и рассылались ограниченному кругу лиц [16, л. 4 об.].

Каждый губернатор назначал ответственное лицо для «регулярного сообщения» ПТА сведений о событиях местной жизни, подобранных и изложенных с точки зрения губернского начальства [16, л. 5]. На должность официального корреспондента назначались служащие канцелярии, например, в Витебской губернии правитель канцелярии губернатора С. И. Кузнецов [16, л. 7]. Часто агентство самостоятельно назначало корреспондентов, о чем уведомляло губернатора.

Между СМИ и ПТА возникали конфликты из-за проблемы достоверности информации. Например, ряд столичных и провинциальных газет выявил фальсификации в пользу СРН и «Союза 17 октября» опубликованных ПТА результатов выборов во II Государственную думу. Газеты призывали ПТА делать правильную сводку «фактического материала». В ответ на это агентство решило в дальнейшем «не показывать редакциям депеши» [27].

Таким образом, ПТА пользовалось реальной политической и информационной силой, формировало с помощью отобранной информации необходимое властям общественное мнение.

Кроме стремления контролировать информированность общества, ГупДП и Министерство внутренних дел контролировали информацию, поступающую в органы власти, в частности, в Государственную думу. В 1909 г. депутаты поставили вопрос о недопустимости предоставления им газет «с икрой», т.е. с закрашенными черной краской местами текста, что особенно касалось зарубежной информации [28]. Ситуация ухудшилась к 1912 г., когда, как писала газета «Виленец», в библиотеку Думы перестали поступать зарубежные издания, запрещенные цензурой, что противоречило закону [29].

В вопросе доступа населения к информации в начале XX в. важную роль играло распространение прессы. Особое внимание властей в данном аспекте уделялось почтовым поездом, которые доставляли заказанную книжными магазинами печатную продукцию. Частыми были конфискации не запрещенных, но «тенденциозных» СМИ на станции Бобруйск Либаво-Роменской ж/д, станции Борисов, в Вильно [30, л. 138].

С 1910 г. Министерство путей сообщения совместно с МВД требовали, чтобы в каждом газетном киоске был перечень реализуемой печатной продукции, утвержденный начальником жандармского отделения, а также

списки запрещенных ГУПДП изданий. Запрещалось включать в каталоги продаваемой продукции издания, не подвергнутые аресту, но с явно «противоправительственным, противорелигиозным или безнравственным» содержанием или названием [31]. Это свидетельствует об ужесточении правил реализации печатной продукции.

Уличная торговля представляла собой наиболее открытый путь к распространению нежелательных для власти сообщений. Данная деятельность отслеживалась городскими, которым вменялось в обязанность наблюдать за разносной торговлей газетами и конфисковать те, что по «своему названию или внешнему виду» могли казаться «нелегальными» [16, л. 23–25 об.].

Таким образом, власть стремилась контролировать не только сами СМИ, но и распространение печатной продукции. Методы контроля были различными: от прямого воздействия и полицейских методов до конкуренции с частными СМИ. На территории Беларуси губернатор осуществлял реализацию информационной политики в подведомственной губернии и отчетывался перед ГУПДП и министром внутренних дел. Значительную роль в информационной политике играло Петербургское телеграфное агентство.

Список использованных источников

1. *Цумарева, Е. П.* Российская правительственная политика на территории Беларуси в 1905–1914 гг.: (по материалам консервативной и либеральной печати): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Е. П. Цумарева. – Могилев, 2015. – 204, [1] л.
2. *Голомб, Э. Г.* Распространение печати в дореволюционной России и в Советском Союзе / Э. Г. Голомб, Е. М. Фингерит. – М.: Связь, 1967. – 152 с.
3. *Есин, Б. И.* Русская газета и газетное дело в России: задачи и теорет.-методол. принципы изуч. / Б. И. Есин. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. – 132 с.
4. *Бережной, А. Ф.* Власть и пресса в России: к истории правового регулирования отношений (1700–1917): хрестоматия / А. Ф. Бережной. – М.: Изд-во РАГС, 1999. – 236, [1] с.
5. *Гайда, Ф. А.* Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 – весна 1917 г.) / Ф. А. Гайда. – М.: Росспэн, 2003. – 432 с.
6. *Жирков, Г. В.* История цензуры в России XIX–XX вв. / Г. В. Жирков. – М.: Аспект Пресс, 2001. – 367 [1] с.
7. *Забаўскі, М. М.* Грамадска-палітычная барацьба ў Беларусі ў ходзе выбараў і дзейнасці Расійскай Дзяржаўнай Думы I–IV скліканняў (1906–1917 гг.): дыс. ... д-ра гіст. навук: 07.00.02 / М. М. Забаўскі. – Мінск, 2000. – 282 л.
8. *Лавринович, Д. С.* Общероссийские либеральные партии организации в общественно-политической жизни Беларуси (190–1918 гг.): дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / Д. С. Лавринович. – Минск, 2012. – 294 л.
9. *Патрушева, Н. Г.* Цензурное ведомство в государственной системе Российской империи во второй половине XIX – начале XX века: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / Н. Г. Патрушева. – СПб., 2014. – 40 с.
10. *Загорнов, А. А.* Цензурная политика самодержавия в Беларуси в первой половине XIX в.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / А. А. Загорнов. – Брест, 1997. – 127 с.
11. *Энгельгардт, Н.* Очерк истории русской цензуры в связи с развитием печати (1703–1903) / Н. Энгельгардт. – СПб.: Изд-во А. С. Суворина, 1904. – 389 с.

12. О временных правилах о повременных изданиях: Имен. Высочайший Указ, дан. Сенату 24 нояб. 1905 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. – СПб., 1908. – Т. 25. – Отд. 1. – С. 837–840.

13. Литовский государственный исторический архив (ЛГИА). – Фонд 601. – Оп. 1. – Д. 63. Переписка с губернаторами о наблюдениях за газетами и журналами и наложении ареста на газеты (1912).

14. Вильно, 24 января // Северо-Западный голос. – 1907. – 24 янв. – С. 2.

15. ЛГИА. – Фонд 1241. – Оп. 1. – Д. 122. Переписка с Виленским генерал-губернатором по вопросам внутренней цензуры.

16. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Фонд 1430. – Оп. 1. – Д. 46930. Дело по отношению Главного Управления по делам печати о назначении специального корреспондента Петербургского телеграфного агентства в Витебскую губ.

17. ЛГИА. – Фонд 1241. – Оп. 1. – Д. 118. Циркуляры ГУ по делам печати за 1906 г.

18. НИАБ. – Фонд 295. – Оп. 1. – Д. 8297. Циркуляр земским начальникам, полицмейстерам и уездным исправникам Минской губ. о принятии мер к прекращению распространения брошюр РСДРП и др. партий.

19. НИАБ. – Фонд 1430. – Оп. 1. – Д. 47308. Телеграммы министра внутренних дел и переписка с полицмейстерами о наложении ареста на периодические издания.

20. НИАБ. – Фонд 295. – Оп. 1. – Д. 7794. Рапорты Минского полицмейстера о получении печатной литературы.

21. ЛГИА. – Фонд 1241. – Оп. 1. – Д. 121. Переписка с ГУпДП.

22. ЛГИА. – Фонд 601. – Оп. 1. – Д. 63. Переписка с губернаторами о наблюдениях за газетами и журналами и наложении ареста на газеты (1912).

23. НИАБ. – Фонд 456. – Оп. 1. – Д. 28. Отчет Минской губернской типографии.

24. Как СРН рассылает свои прокламации // Весь Северо-Западный край. – 1908. – 6 февр. – С. 3.

25. Процессы бывших депутатов // Весь Северо-Западный край. – 1908. – 10 янв. – С. 3.

26. *Шевич, М.* Политическая жизнь России в 1906 г. / М. Шевич // Северо-Западный голос. – 1907. – 1 янв. – С. 2.

27. Наброски // Северо-Западный голос. – 1907. – 23 янв. – С. 2.

28. Думский день 20-го января // Голос Москвы. – 1909. – 21 янв. – С. 4.

29. Дума под цензурой // Виленец. – 1912. – 15 февр. – С. 2.

30. ЛГИА. – Фонд 1242. – Оп. 1. – Д. 166. Переписка с таможнями о просмотре печатных изданий прибывающих из-за границы (1908).

31. Правила торговли печатными изданиями на железной дороге // Голос Москвы. – 1910. – 9 апр. – С. 3.

(Дата подачи: 13.02.2017 г.)